

Содержание

От редактора

7

Король, дама, валет

11

Приложение

(из английской версии романа)

283

От редактора

Замысел второго романа возник у Набокова летом 1927 г. в Бинце, курорте на острове Рюген в Померании. Зимой, в Берлине, он принялся за сочинение книги, которая продвигалась с большим трудом. В отличие от «Машеньки», во многом построенной на автобиографическом материале, «Король, дама, валет» — роман из немецкой жизни, без русских героев и реминисценций. Набоков создавал его, по его собственному позднему признанию, «в мечте о чистом вымысле», «независимо от всяких эмоциональных обязательств». 13 февраля 1928 г. он писал матери: «Я кончил вчера около двух часов ночи третью главу (всего 90 страниц уже!) и должен сказать, что доволен. То, что я пишу, гораздо сложнее и глубже “Машеньки”. Боюсь, что раньше лета не кончу». Пять дней спустя он сообщил ей новые подробности:

Продолжаю вести кротообразную жизнь, т. е. никого не вижу, кроме учеников, и корплю, корплю, до заворота мозгов, над моим романом. Четвертая глава почти кончена, — кончу ее, вероятно, сегодня. Мне так скучно без русских в романе, что хотел было ком-

пенсировать себя вводом энтомолога, но вовремя, во чреве музыки, убил его. Скука, конечно, неудачное слово: на самом деле я блаженствую в среде, которую создаю, но и устаю порядком. Пью много мальцбира, да еще Вера делает мне особое питье из яйца, какао, апельсинового сока и красного вина. Боюсь, что в романе будет многовато клубнички, но ничего не поделаешь: если описывать, как человек ходит, улыбается, ест, то приходится столь же подробно описывать, как он действует на кипридовом поприще.

Роман был дописан в июне 1928 г. и передан в берлинское издательство «Слово». К выходу книжного издания в берлинской газете «Руль» 23 сентября 1928 г. состоялась публикация отрывка из романа (часть главы IV), с примечанием, позволяющим установить дату выхода книги в свет: «Пользуясь любезным разрешением Кн-ва “Слово”, приводим отрывок из только что вышедшего в указанном из-ве романа В. Сирина: “Король, Дама, Валет”». В том же году Набоков продал права на немецкое издание, получив щедрый гонорар, который позволил ему с женой отправиться в Восточные Пиренеи ловить бабочек. Перевод (под названием «Король, дама, валет: игра с судьбой») подготовил писатель, переводчик Гоголя, Тургенева и Лескова Зигфрид фон Фегезак, с которым Набоков встречался в Париже в начале 1929 г.

«Король, дама, валет» обнаруживает все основные зачатки будущей изощренной игры Набокова с читательскими ожиданиями, продолженной затем в «Камере обскура» и «Отчаянии». Многому научившийся у Г. Флобера и И. Бунина, хорошо знающий современ-

ных западных писателей, Набоков к концу 20-х гг. становится в русской литературе одним из самых тонких мастеров формы, его стиль называют «сплошь блестящим, нигде не матовым» (Ю. Айхенвальд), «зорким» и «кинематографичным» (Г. Хохлов), «скользящим» и «подлинно искусным» (В. Ходасевич), «виртуозным», отмеченным «ослепительной, классической яркостью» (Г. Адамович).

В 1966 г. Дмитрий Набоков подготовил дословный английский перевод романа, предназначенный для американского издательства «McGraw-Hill». Перечитав русский оригинал, Набоков отложил сочинение «Ады» и внес в перевод множество уточнений, дополнений и исправлений, развил некоторые образы, диалоги и описания, переписал финал*. В предисловии к американскому изданию романа, опубликованному в 1968 г., он заметил следующее:

Не хочу обсуждением сделанных мною небольших изменений портить удовольствие тем, кто в будущем пожелал бы сравнить оба текста. Позволю себе только заметить, что они были сделаны не для того, чтобы подрумянить труп, а скорее чтобы дать еще небездыханному телу воспользоваться некоторыми внутренними возможностями, в которых ему было прежде отказано вследствие неопытности и нетерпения, торопливости мысли и нерасторопности слова**.

* Одно из самых значительных дополнений (в начале гл. XII, где с эффектом стеганографии появляется иностранная чета) мы приводим в нашем переводе в приложении к настоящему изданию. (*Здесь и далее – прим. ред.*)

** Перевод Г. А. Барабтарло и Веры Набоковой.

Первое издание 1928 г. переиздавалось репринтным способом в 1969 г. («McGraw-Hill») и в 1979 г. в «Ардисе». Печатается по изданию «Ардиса» по правилам современной орфографии и с исправлением замеченных опечаток*.

* Редактор благодарит Вадима Алексеевича Маневича (Нью-Йорк), любезно предоставившего для сверки текстов копию издания романа 1979 г.

Глава I

Огромная, черная стрела часов, застывшая перед своим ежеминутным жестом, сейчас вот дрогнет, и от ее тугого толчка тронется весь мир: медленно отвернется циферблат, полный отчаяния, презрения и скуки; столбы, один за другим, начнут проходить, унося, подобно равнодушным атлантам, вокзальный свод; потянется платформа, увозя в неведомый путь окурки, билетики, пятна солнца, плевки; не вращая вовсе колесами, проплывет железная тачка; книжный лоток, увешанный соблазнительными обложками — фотографиями жемчужно-голых красавиц, — пройдет тоже; и люди, люди, люди на потянувшейся платформе, переставляя ноги и все же не подвигаясь, шагая вперед и все же пятясь, — как мучительный сон, в котором есть и усилие неимоверное, и тошнота, и ватная слабость в икрах, и легкое головокружение, пройдут, отхлынут, уже замирая, уже почти падая навзничь...

Больше женщин, чем мужчин, — как это всегда бывает среди провожающих... Сестра Франца, такая бледная в этот ранний час, нехорошо пахнущая натоцк, в клетчатой пелерине, какой, не-

бось, не носят в столице, — и мать, маленькая, круглая, вся в коричневом, как плотный монашек. Вот запорхали платки.

И отошли не только они, — эти две знакомые улыбки, — тронулся не только вокзал, с лотком, тачкой, белым продавцом слив и сосисок, — тронулся и старый городок в розоватом тумане осеннего утра: каменный курфюрст* на площади, землянично-темный собор, поблескивающие вывески, цилиндр, рыба, медное блюдо парикмахера... Теперь уж не остановить. Понесло! Торжественно едут дома, хлопают занавески в открытых окнах родного дома, потрескивают полы, скрипят стены, сестра и мать пьют на быстром сквозняке утренний кофе, мебель вздрагивает от учащающихся толчков, — все скорее, все таинственнее едут дома, собор, площадь, переулки... И хотя уже давно мимо вагонного окна разворачивались поля в золотистых заплатах, Франц еще ощущал, как отъезжает городишко, где он прожил двадцать лет.

В деревянном, еще прохладном отделении третьего класса сидели кроме Франца: две плюшевых старушки, дебелая женщина с корзиной яиц на коленях и белокурый юноша в коротких желтых штанах, крепкий, угластый, похожий на свой же туго набитый, словно высеченный из желтого камня мешок, который он энергично стряхнул с плеч и бухнул на полку. Место у двери, против Франца, было занято журналом с голой стриженной

* Владетельный германский князь, пользовавшийся правом выбора императора.

красавицей на обложке, а в коридоре, у окна, спиной к отделению, стоял широкоплечий господин.

Город уехал. Франц схватился за бок, навывлет раненный мыслью, что пропал бумажник, в котором так много: крепкий билетик, и чужая визитная карточка, и непечатый месяц человеческой жизни. Бумажник был тут как тут, плотный и теплый. Старушки стали шевелиться, шуршать, разоблачать бутерброды. Господин, стоявший в проходе, повернулся и, слегка качнувшись, отступив на полшага и снова поборов шаткость пола, вошел в отделение.

Только тогда Франц увидел его лицо: нос — крохотный, обтянут по кости белесой кожей, кругленькие, черные ноздри непристойны и асимметричны, на щеках, на лбу — целая география оттенков — желтоватость, розоватость, лоск. Бог знает, что случилось с этим лицом, — какая болезнь, какой взрыв, какая едкая кислота его обезобразили. Губ почти не было вовсе, отсутствие ресниц придавало выпуклым, водянистым глазам невольную наглость. А наряден и статен был господин на диво: шелковый галстук в нежных узорах нырял, слегка изогнувшись, под двубортный жилет. Руки в серых перчатках подняли, раскрыли журнал с соблазнительной обложкой.

У Франца дрожь прошла между лопаток, и во рту появилось странное ощущение: неотвязно мерзкая влажность нёба, отвратительно жив толстый, пупырчатый язык. Память стала паноптикумом, и он знал, знал, что там, где-то в глубине, — камера ужасов. Однажды собаку вырвало

на пороге мясной лавки; однажды ребенок поднял с панели и губами стал надуть нечто, похожее на соску, желтое, прозрачное; однажды простуженный старик в трамвае пальнул мокротой... Всё — образы, которых Франц сейчас не вспомнил ясно, но которые всегда толпились на заднем плане, приветствуя истерической судорогой всякое новое, сродное им, впечатление. После таких ужасов, в те еще недавние дни, вялый, долговязый, перезрелый школьник ронял из рук портфель, бросался ничком на кушетку, и его долго, мучительно мучило. Мучило его и на последнем экзамене — оттого, что сосед по парте, задумавшись, грыз и без того обгрызанные, мясом ущемленные ногти. И школу Франц покинул с облегчением, полагая, что отделался навсегда от ее грязноватой, прыщеватой жизни.

Господин разглядывал журнал, и сочетание его лица и фотографии на обложке было чудовищно. Румяная торговка сидела рядом с монстром, прикасаясь к нему сонным плечом; рюкзак юноши лежал бок о бок с его черным, склизким, пестрым от наклеек чемоданом; а главное — старушки, не смотря на мерзкое соседство, жевали бутерброды, посасывали мохнатые дольки апельсинов, завертывали корки в бумажки и деликатно бросали их под лавку... Франц стискивал челюсти, сдерживая смутный позыв на рвоту. Когда же господин отложил журнал и стал сам, не снимая перчаток, есть булочку с сыром, вызывающе глядя на Франца, он не стерпел. Быстро встав, запрокинув побелевшее лицо, он расштал, стащил сверху свой чемо-

дан, надел пальто и шляпу и, неловко стукнувшись чемоданом о косяк, вышел в коридор.

Ему сразу стало легче, но головокружение не прошло. Вдоль окон пролетал буковый лес, рябили лиловатые стволы, испещренные солнцем. Он неуверенно пошел по коридору, всматриваясь в отделения. Только в одном из них было свободное место; зато там сидела сердитая женщина с двумя бледными, чернорукими, раздраженными детьми, которые, подняв плечи в ожидании неизбежного подзатыльника, тихонько сползали с лавки, чтобы поиграть сальными бумажками на полу, у ног пассажиров. Франц дошел до конца вагона и там остановился, пораженный небывалой мыслью. Эта мысль была так хороша, так дерзновенна, что даже сердце загнулось и на лбу выступил пот. «Нет, нельзя...» — вполголоса сказал Франц, уже зная, впрочем, что соблазна не перебороть. Затем, двумя пальцами проверив узел галстука, он с восхитительным замиранием под ложечкой перешел по шаткой соединительной площадке в следующий вагон.

Это был вагон второго класса, а второй класс был для Франца чем-то непозволительно привлекательным, немного греховным, пожалуй, — с привкусом пряного мотовства, — как рюмка густого белого кюрасо, как трехминутная поездка в таксомоторе, как тот огромный помплимус*, похожий на желтый череп, который он как-то купил по дороге в школу. О первом классе нельзя было меч-

* Точнее помпельмус — род цитруса с крупными плодами.